

Мы не боги земли, а дети природы!

Литературно-художественная газета для ребят

№ 1 ♦ Издаётся с апреля 1991 года ♦ Цена 30 коп.

1991

ЛЕСОВИЧОК

Папы и мамы! Бабушки и дедушки!

Покупайте детям и внукам «Лесовичка»!

Первая частная газета!
Всего 30 копеек!

Воспитание гражданских, нравственных качеств, любви к родной природе, отчему краю — таковы задачи нашей газеты.

«Не надо ездить за моря и океаны. Можно в родном краю найти необитаемые острова, неизвестных зверей и неизвестных птиц.» (Из рассказа «Гаврилин остров», о котором вы узнаете позднее).

Рассказы, сказки, стихи, новеллы, фразы, даже частушки и анекдоты станут печататься «Лесовичок».

Читая его, Вы почерпнете много нового из сложного, но красивого мира!

ИЗДАТЕЛЬ.

Учредитель «Лесовичка» —
Геннадий КОЛОТОВКИН,
прозаик.

Зот Тоболкин

Заветный берег

ЛЮБИМОЕ дело выбирают смолоду. Еще парнишкой, едва-едва распознав азбуку, Геннадий Колотовкин загорелся написать рассказы о природе для детей. Мальчик составлял знаки: буква к букве — слово, слово к слову — предложение. Интересно, занимательно! Навечно уяснил, как каменщик из кирпичей, так писатель из слов выкладывает свое произведение. Чем лучше слово, тем качественней «кладка».

Жизнь сложилась лямкая, противоречивая. Когда Геннадию было десять лет, его крестьянская семья перебралась из Омутинки в «столицу деревень». Мальчуган с детства мечтал о литературном, а окончил Свердловский техникум, затем Омский институт физкультуры.

Двадцатилетним парнем напечатал в районной газете «Ударник» первый рассказ «Мохнатый водяной». Студентом издал свои работы в коллективном сборнике очерков о мастерах спорта Омска «Путь к победе». Был учителем, электриком, редактировал городскую газету. Работал в «Тюменском комсомольце», «Тюменской правде». Печатался в «Советской России», «Комсомолке», «Строительной газете».

Владимир
ФАЛЕЕВ

Это клок огорода,
Запах избы овчинный,
Перепляс хороводный
До зари петушиной.
То отцовский орган,
Бабушкино преданье,
Школа Любви и ссоры,
Тайный урок свиданья.
Это вера мальчишья
В славу, что ветром дует,
В грезы, что слаще и чище
Первого поцелуя.
Поезд бежал по пашне,
Звал, задыхаясь дымом:
Сколько невест прекрасных
Вместо одной любимой!
Годы — круги ученья,
Креп я телом и костью
В знойном круговращенье
Улиц и перекрестков...

Владимир Фалеев — наш земляк. Он родился в деревне Тюнево. Окончил отделение журналистики Уральского государственного университета. Работал в «Тюменском комсомольце», журнале «Наш современник». Сейчас живет в Москве.

● Реплика

ЛИХАЯ ПАЛЬБА

Невелик лесной массив между станцией Войновка и поселком Боровским, но ребята и такому рады. Весной собирают травы, летом — ягоды, осенью — грибы, а зимой катаются на лыжах. Вот беда: опасно стало появляться в зеленой зоне. Разгуливают по ней подростки с ружьями и палят по чему попало: по деревьям, птицам, столбам. И некому урезонить несовершеннолетних. Будто нет в тех краях лесников, егжей, участковых.

Лена ДЕНИСОВА.

Заветный берег

Позднее он понял, почему его так сильно тянет к перу. Вольное, босоногое детство в деревне: речки, озера, увалы, поляны — обогащали его впечатления. Рождались сюжеты, зарисовки, наброски.

Потом городская суета, житейские неурядицы отвлекли человека от любимого дела. Он почувствовал, что забывает запахи трав, голоса птиц, названия растений. И Геннадий Алексеевич уехал на охотничью заимку.

Десять лет он прожил в лесу. Деревня слева далеко, поселок справа того дальше. Шагает егерь по дороге, а на песке медвежий след. Косолапый спрячется за куст. Интересно, каков новый хозяин Магатских озер, Богушинских угодий, глухарьих токов, заячьих троп.

Там, в уединении, даровитый человек написал много повел, рассказов. Средне-Уральское книжное издательство выпустило его сборник «Магатская заимка» тиражом 50 тысяч экземпляров. Небольшая книга сразу разошлась как на Урале, так и в нашей области.

Главный герой рассказов — сам автор. Не какой-то фанатичный страж порядка, а простой и мудрый егерь-лесовик. Он с веселой интонацией, самобытно и профессионально пишет о родном крае, о повадках лесных обитателей, примечая в них много сходного с поведением людей. Небольшие художественные вещи несут большую нравственную и социальную нагрузку.

Уральский писатель Леонид Фомин, рецензируя рукопись, тепло отозвался о нашем земляке, назвав его живописцем: «Колотовкин стремится во всей красоте и первозданности показать лес. Читая рассказы, наслаждаешься живой словесной вязью. Языком истинно русским, народным».

Тюменский писатель Николай Денисов: «Проза Колотовкина светлая, теплая, по настроению созвучная нашему времени. Ее хочется цитировать. Точные приметы, детали. Певучий стиль».

Московский писатель Владимир Карпец: «Рассказы Колотовкина удивительно космичны. Относятся к той прозе, которая будет жить долго».

Я присоединяюсь к мнению мастеров-профессионалов. Приведу лишь один абзац «Стиль, как камень, землю сковала. Уцелевшие травы опустили в поклоне метелки. Присмирив, загорюнил малинник: замерзает, погибнет. Обледенелый пруттик не дрогнет. Не качнется жухлая былбанка. Ветку тронь, забренчит. Уныло и пусто кругом... Я продрог до костей. Подошел быстро к дому. Дверью стужу отсек».

Как отмечал редактор Средне-Уральского книжного издательства Михаил Немченко, рабочий судостроительного завода Валентин Стойлов и другие: «Читая произведения Геннадия Колотовкина, словно вместе с ним находишься в далеком лесу, на охотничьей заимке. Много узнаешь из сложного и потаенного мира животных».

У вас, дорогие читатели, появилась такая возможность! В каждом номере «Лесовичка» Геннадий Алексеевич будет печатать свои интересные рассказы, веселые изречения, приметы погоды, заметки.

Уверю вас, он один успешно справится с этой работой. Бывалый, одаренный человек!

Покупайте в киосках «Союзпечати» первую в нашей области литературно-художественную газету для детей частного издателя!

Вьюжным утром заболела Маринка. Простудилась, рыбача на озере. Лоб горел. Польшало лицо. Жар, озноб донимали больную.

Я поил дочку чаем с вареньем и липовым медом. Пичкал аспирином, настоем лекарственных трав. Обтирал тело спиртом. Все старания мои — безуспешны. Нужен был или участковый врач, или — «Скорая помощь». Где их взять? Деревня слева — километрах в двадцати, поселок справа — того дальше. И ни на минуту не утихомиривалась вьюга. Как вчера, пошутила Маринка: «Февральские метели гуляют по неделе». Эта разбуянилась надолго. Страшнее волчьей стаи завывала под окном. Тучи грязными лохмотьями пронеслись над тусклым светилом. Дикие вихри гнали снежные потоки по холмистым сугробам. Сыпучие, взерошенные, они накачивались бурунами на могучие деревья. Вдрызг разбивались о користые стволы и оседали белой пылью у подножья. Как ехать в этукую злую непогоду?

А дочке становилось хуже. Я извелся от бессилия. На глазах угасала моя ясная звездочка, ласточка щебетливая! Я был готов молиться до изнеможения неведомому богу, до хрипоты, до безрасудства подвывать разъяренной метелице, только бы выжила моя родимая белыночка! Не для того растим, чтобы однажды потерять!..

Угадав мой трепет, неподдельный страх, Маринка слабо попросила:

— Отправь почтарей... Почтарей отправь...

Обзавестись крылатыми гонцами меня подбил Неверов — профессор медицины, непоседливый, неутомимый здоровяк, схожий с рослым, кряжистым осокорем. Дядя Лева был страстным голубятником. Из-за своих причуд он даже отказался от квартиры. «Голубятню на балконе не поставишь», — заявил горисполкому. Проживал по-прежнему в старом бревенчатом доме, с огородом и громадной, высоченной будкой для любимых летунов.

Приехав на рыбалку, Неверов восхитился: «Самое место держать разнокрылых красавцев!» Немолодой уже мужчиной, великан, подступил ко мне с мальчишеским задором: «Заводи! Пару сизых для расплода дам!»

Я наотрез отказался: «Не стоит мучить птах. Пусть у тебя живут».

Профессор был настойчив: «Для связи пригодятся! Случись что, сообщишь мне через них! Ведь даже древние!.. не брез-

говали голубиной почтой! Специалисты пользовались ей в войну! Нынче она выручает мореплавателей, бизнесменов, репортеров! Фотографы с Олимпиад отправляют негативы с крылатыми курьерами! А ты!.. темнота!» Подыграл на слабых отцовских струнах: «С птицами Маринке веселее».

Узнав о гулях, дочь меня настойчиво просила привезти их на заимку. Пообещала ухаживать за ними, приучать к маршруту: озеро Магат — Неверовская голубятня.

Под нажимом я все же уступил своим друзьям.

Перво-наперво мы принялись за обучение крылатых почтальонов. Втроем: Маринка, дядя Лева, я — выпускали птиц из незнакомых для них мест.

Геннадий КОЛОТОВКИН РАССКАЗ

Сперва от городской черты. После заехали поглубже в лес. Пернатые гонцы благополучно добирались до неверовской усадьбы. Тогда мы стали их осваивать из клети у Феклиной бочажины, Казачьего ручья, вымершей деревни. Так делали ради того, чтоб сизари запомнили поглубже дальний путь.

Дома нравилось возиться с голубями. Вынув из садка синегрудого красавца, она его задорно подкидывала над кустом. Следом за ним подбрасывала белохвоста. Взяв резко в поднебесье, птицы направлялись прямо к цели. Маринка, взбудораженно подпрыгивая на носках, широко размахивала крыльями-руками, будто хотела полететь за быстрыми связными. Через час они уже кружились над знакомой крышей. А вечером Неверов привозил их снова к нам.

Девочка охотно ухаживала за домашней парой. Заставила меня сделать вольеру, а в ней — поилку, гнездо, ванночки, кормушку и насесты. Прилежно убирала по утрам птичье уютное жилье. Готовила подшефным зерновую смесь. Нацеживала из кувшина воду для купания. Держала всегда сухой песок, чтобы затворники могли порхаться, чистить перья.

И вот птичья хозяйка слезла. Впадала в забытие. Я был подавлен, удручен. Не сознавая для чего, непроизвольно, безотчетно запряг в сани коня. Секомый снежным крошевом, он недовольно фыркал: «Куда в такую вьюгу?»

— Маринка заболела, — горько сетовал ему. — Занеужила, горит... — прижимаясь своей щекой к его щеке, повторял,

как заведенный:— Надобно спастись! Надобно спастись!..

Ветер закручивал спиралью, воронками сыпучий снег. Кидал его горстями в нас с Буяном. Визгливо издевался над моей бедой: «Попались? Не пуш-у-у!»

Я укрыл коня за домом. Потерянный, безвольный, медлил с отъездом беспричинно. Ждал чуда, помощи людской. Но кто сюда приедет? Сезон охоты и рыбалки отошел. В угодьях мертвенно, пустынно. Предчувствовал уныло, что хворую девочку не успею до больницы донести. От скверной мысли меня даже мутило. В голове был несусветный хаос. Я никак не мог принять разумного решения. А от него зависело дочуркино здоровье,

убинная ПОЧТА

вполне возможно — жизнь.

Прогаживаясь от поленицы к саням, а от саней к окну, я бросал косые мрачные взгляды на нахохлившихся голубей. И подбивала думка: «Скорую» бы вызвать?». Медицинская карета — не Буян, часа за полтора из города до озера домчит. Ровно столько, сколько ехать нам из глухомани на санях до Кривого отворотка. Но сквозь сугробы «скорой» не пробиться на займку. И не надо. Машина к перекрестку может подойти! Прямоезжую дорогу колхозный грейдер торит по утрам. Сейчас она наверняка чиста.

Ругнул себя: «Склеротик! Ведь это верный выход! Мы встретимся со «скорой» у Кривого поворота. Я выведу Маринку из глуши и передам врачам. Вот оно, ее спасение!»

У меня от верной мысли задрожали дробно руки. Я вспомнил дядю Леву, цветущего, уверенного здоровилу. Его напористые вещи слова о сизых птицах: «Для связи пригодятся». Тихая просьба Марины: «Отправь почтарей», стала мне понятной. Я будто опомнился, прозрел. Ведь птиц держу для этих целей! Сегодня воскресенье, профессор дома. Радио передавало, что в городе морозный, ясный день, небольшой снег, ветер слабый, умеренный. Это на нас накатила пурга. А там завязтый голубятник, наверняка, гоняет кингов, мазуров, турманов.

Я хот и не очень доверял древнейшей связи, но внезапно загорелся: «А вдруг удача? Пиши скорей записку! Отправь ее немедленно в город!»

Окрыленный махонькой, спа-

сительной надеждой, я сломя голову кинулся домой. За углом дикий порыв, оперевшись в грудь, остановил меня нахально. Сдернув шапку, расплачив шубейку, хлестал поземкой беспощадно. Клонясь тяжёлым корпусом вперед, я все-таки прорвался сквозь воздушную преграду. Ввалившись в комнату, со вздохом грохнулся за стол. Придвинул лист бумаги.

— Пи-ить. Пи-ить,— услышал вялый голос дочки. Метнулся на подмогу к ней.

Лицо страдальцы невероятно побледнело. Губы пересохли. Она мучительно просила:

— Пи-ить.

Я позволил ей хлебнуть несколько глотков малинового чая. Измерив вновь температуру тела, наконец, сообразил, что дочку дожимало не только простудное заболевание, но и опасная, чрезмерная лихорадка. Ртутный столбик подступил к отметке сорок два.

Я наскоро растер больную медицинским спиртом. Приложил ко лбу влажную, холодную повязку. Не умолкая, нежно, мягко повторял:

— Все будет хорошо. Почтарей отправлю к дяде Леве. Коня уже запрэг. Все будет хорошо, касатка ты моя, ясочка ненаглядная...

«Ха-ха-ха!»— издевалась злобно выюга. Устрашая нас, она, негодница, скулила заунывно домовым в печной трубе, то дьявольски свистела у двери: «Не пуш-у-у-у!»

Меня разжарило в хоромине. Скинув свитер, я сел решительно к столу. На папирсной тоненькой бумаге вывел разборчиво тревожные слова: «Неверов, Марине плохо. Лихорадка. Добейся, чтобы «Скорая» прибыла к Кривому отворотку.р».

Старательно скатав послание, отметил, что получилась скрутка тоньше спички. Всунув ее в непромокаемый чехольчик, я, как окольцовку, пристегнул его к сухопарой голубиной лапе. Выпустил пернатого гонца в сенную дверь. Второго быстрокрылого посланца с копией записки в портдепешнике отослал за первым. Не дождет один, другой домой придёт: «Летите, почтари, лесную девочку спасайте!» Подхващенные выюгой, они молниеносно исчезли в беспросветной круговерти. Но я догадывался, что высоколетные курьеры пробились выше облаков и понеслись своим извечным путем.

Гора свалилась с плеч. Поверил в разноперых почтальонов: «Долетят!» Размяк, как после тяжкой колки дров. Нежно глядя дочку по плечу, сердечно утешал:

— Сделал по-твоему. Отправил почтарей. Все будет хорошо.

Она доверчиво накрыла горячий, мягкой кистью мою огрубелую, казанкостую руку. Хрипло, сочувственно сказала: — Переполошился... Не убивайся...

Опять защемило внутри. Как это «не убивайся», доченька? Что я бесчувственный чурбан? Страхушь ведь за тебя! Зорька моя вешня! Касатка ненаглядная!..

Засобирился суетливо в неведомую, выюжную дорогу. Заправил термос чаем. Спихал провизию в брезентовый мешок. Натер больную спиртом. Оберегая от бурана, надел на нее теплое белье, а сверху — брюки, свитер, шубу, просторный овчинный тулуп. Уложил пассажирку в скрипящие розвальни на пышный ворох сена. Тронул Буяна вожжой.

Только выехали из-за дома, выюга ошалело набросилась на мирную подводу: «Не пуш-у-у!» Конь, упрямо выгнув шею, прибавил сразу ход и быстро пересек открытую поляну. Пурга будто отстала. Вопила позади пронзительно, разноголосно: «Куда-а-а-а?!» Не пробившись через стену бора, зверски буйствовала над его косматой крышей. Тучи бесами мелькали в окнах хвои. На широких изворотах вихри разбойно вырывались из трущобы, стегали нас нещадно. Буян, сердито вздыбив гриву, проворно, дерзко переходил опасное пространство.

Знал, кого везет. Шел быстрым шагом. Розвальни бросало с сугроба на дорогу, с дороги на сует. Больную, как бревнышко, подкидывало на подводе. Я поддерживал страдальцу рукой. Маринка, всхлипывая, сбивчиво, бесвязно бормотала: «Дядя Лева»... «Почтари»... «Жарко»... «Батяня»... «Жарко»...— была бедняга без сознания.

Это меня пугало. Выдержит ли хворое дитя такую долгую и тряскую дорогу? Взвинченный, издерганный, я молил больную крепиться из последних сил, не поддаваться смертельному недугу. А я осило, поборю беду! Расшибятся сани — на взмыленном коне повезу дочурку верхнем. Свалится в изнеможении Буян — попру родное чадо на своем загорбке. Подкосятся мои натруженные ноги, ползком, но поташу ребенка дальше. Издохну сам, а дочку вынесу из леса! Я свое прожил — ей свое прожить необходимо!

Конь, укорачивая путь, резко повернул к купе деревьев. Слету невзначай грохнул розвальни о толстую березу. Нас

едва не выбросило в слежавшийся сугроб. Стукнувшись затылком о сухую крестовину¹, я очнулся от горячих, затяжных переживаний: «Буян устал. Загонись понапрасну. Пора

бы отдохнуть».

Из глубины тулупа, как из погреба, тягуче доносился голос дочки:

— Пи-ить...

Бесконечная езда всех утомила. У меня в ушах разгуливал накатистый свистящий звон. Сколько времени проехали — определить не мог. Расстроенный, забыл дома часы. Но по лесным приметам догадался: скоро будут Две сестры и Дядя Ваня — сросшиеся березы и могучий тополь среди них. Они росли почти на полпути от Кривого поворота. В этом местечке я остановил разгоряченного коня.

Над нами гулким снежным потоком неслась развоявавшаяся выюга. Я не разобрал, где бугры, где лесистая грива, поляна: все потонуло в ненастном, сумрачном коловращении. Ни птичьего свиста, ни звериного вскрика — всюду однообразный, слитый гул. Мне чудилось, будто на Глиняном угоре звонили яростно в колокола. У Юрашевской займки жалобным, срывающимся голосом зывал кто-то о помощи. А за ближайшим озером под пение гитар пиروвали развеселые цыгане. Какой тут табор? Это же проделки, козни разгулявшейся метелицы.

Встряхнувшись, я напряженно прислушался к ее раскатистому шуму. И уловил действительные звуки. На камышовом закрайке озера, глухо хрстнув, упала сгнившая сушина. Разваливаясь из поленицы, протарабанили в деляне заготовленные мной дрова.

— Гули, гули, гули,— подзывала, бредя, почтарей Маринка.

Звуки тут же уносились прочь. А над головой, не унимаясь, гудела шквальная

¹ Крестовина, облук (обл.) — жерди по бокам розвальней.

Голубинья ПОЧТА

метель. Ее порывы вырывались на дорогу. Хлестали Буяна и меня жесткой, словно дробь, крупной. Здесь не отдохнешь.

Я повернул коня к тесно сгрудившимся соснам, которые утесом возвышались за кустами.

В высоколесье было тише, чем у перекрестка. Корабельные деревья задерживали ветер наверху. Он свирепо трепал их косматые хвойные кущи. Скулисто завывая, пробивался вниз. Но, обессилев от натуги, выдыхался, глож возле кустов. Они барьером прикрывали сиротливую подводу.

— Пи-и-и... — просила бес-связно Маринка.

Сунув руку вовнутрь тулупа, я раздвинул влажные одежды. Большая накалилась, как уют. За долгий отрезок пути она так и не пришла в сознание ни разу. Плеснув из фляжки спирт в нагретую ладонь, я растер все туловище дочки под одеждой. Немного попоив недужную остывшим чаем, сам, поперхнувшись, отхлебнул пару глотков: «Оставь девочке!» Укутав вновь ее в тулуп, запонукал коня тревожно:

— Быстрой, Буян. Быстрой. «Скорая» ждет.

!; ужаснулся несусветно: «А если нет?» Весь взмок, будто парной: «Не может быть такого...»

— Вперед, Буян! Вперед!

Пошли открытые места. С болот неистово мело. Сугробы и заносы перегораживали узкую дорогу: то обрывистыми комьями, то островерхими горюшками, то загромождали баррикадами. Как о волну дощаник, так о всхолмленные суметы бились сани. По такой дороге не то что маленькую голову дочурки, свою, здоровую, башку стрясешь.

Не выдержав, я взял Маринку на руки, чтоб ей было помягче. Бережно держа, покачивал на снежных перепадах. Немели ноги, руки и спина. Я пробовал удобнее усесться. Но сани крепнились все время на разные бока: то на левый, то на правый. Меня валило в сено. Оберегая дочку от ушибов и толчков, я хватался за крестовину свободной рукой. Пробовал плотнее навалиться на дощатый передок. Но он меня* так торкнул по

спине, что я еле удержался в скачущих санях.

Намаялся канальски. Все прежние сомнения: «Долетят, не долетят до дяди Левы почтари!» — как мелочь из копилки, вытрясло из головы. Я всецело, без остатка поверил в голубей. Был убежден, что упрямый здоровяк Неверов добился выезда машины. «Скорая» мчится стремительно по вызову к Кривому отворотку. Все будет хорошо. Надежда на спасение дочери меня не покидала совершенно. Ей окажут помощь. Поставят моментально живительный укол. Иначе думать я боялся.

Буян шел шибко, не сбавляя скорость. Под шлеей и хомутом сбивались пенные ошметки. Валились хлопьями на узловатые натруженные ноги работяги.

Мы пересекли неглубокую обрывистую седловину. Осталось одолеть последний поворот. А там решалось для Маринки все...

«Есть «скорая» или нет?» — я выглянул нетерпеливо из-за конского бедра. В ту же секунду полозья грохнулись о заметенное бревно. Я уронил на сено дочку. Упал с ней рядом сам. Вцепился мертвой хваткой в вязи наклонившихся саней. Судорожно, напряженно удерживал большую, прижимал ее к себе. Перепугался, как бы ее случайно не выметнуло из саней.

Мерин, провалившись по колелю в слежавшийся сугроб, напружинился, всхрапнул и вырвал розвальни на взгорок. Быстро, ходко преодолел крутой изгиб.

«Скорая» стояла у сосны! На борту машины выделялся неизменный красный крест. Из выхлопной трубы клубился синий дым. В докторском, запахнутом халате навстречу нам бежал Неверов — розовощекий здоровяк. Снежные, хвостатые вихри секли его яро. А он, счастливый, окрыленный, размахивал бобровой шапкой над собой, вопил, как озорник:

— Связь голубинья не подвела! Ура! Ура-а!

Я растрогался ужасно. Обхватив бесчувственную дочь, уткнулся в стылый воротник тулупа. Пронесло...

Конь остановился около машины.

Рис. Михаила ПЛОТНИКОВА.

Любознательный мальчик спрашивает отца:
— Папа, а папа, кто такой Карл Маркс?
— Экономист.
— А-а-а! — обрадовался мальчик. — Как наш дядя Пеня?

Наш дядя Пеня — старший экономист! — поправил сына отец.

Заскочил осел в магазин и требует:

— Продайте мне вон ту гармошку!

Лиса отвечает:

— Ослам не продаем.

Надел он волчью шубу и опять примчался в магазин:

— Продайте мне вон ту гармошку.

Лиса твердит:

— Ослам не продаем.

Напялил он лосиную шкуру и вновь явился в магазин:

— Продайте мне вон ту гармошку.

— Ослам не продаем.

— Как вы узнали, что я осел?

— Только ослы вместо гармошек покупают батареи парового отопления.

Жестокий правитель приказал забитому народу:

— Собирайтесь завтра на площадь. Буду вас вешать.

Все покорно промолчали. Только дряхлый старик спросил:

— А со своими веревками приходите или... казенные дадите?

Учительница задает школьнику вопрос:

— Чем дышит птица?

Двоечник сопит, чешет в тупом затылке и отвечает:

— Птица дышит клоакой.

Охотовед поймал на озере браконьера Окотетто:

— Почему бьешь утку?

— Моя стреляет селезня, — невозмутимо ответил дичекрад.

— Как ты отличаешь утку от селезня? — удивился охотовед.

— Моя попала — значит, селезень, моя промазала — значит, утка.

Придумал и собрал
Юрий БЕДНЕЦ

...да орешки все грызет!

Фото А. ПАШУКА.